

21 АПР 1977

4

УТВЕРЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

АКТРИСА И РОЛЬ

СНАЧАЛА был спектакль. Народная артистка Советского Союза Галина Николаевна Загурская играла свою новую роль — киргизской женщины Толгоной из повести Чингиза Айтматова «Материнское поле».

Усталой походкой, опираясь на посох, выходила немолодая женщина. Потом, во время всего спектакля, ее лицо, фигура оставались прежними, только чуть легче становились шаги, порывистее движения — когда она вспоминала о своей молодости...

Загурская — Толгоной была и в своем нынешнем дне, когда она наедине, шаг за шагом вспоминает свою простую, свою трудную жизнь, и в прошлом, где рядом с ней были муж, сыновья, невестка, односельчане. Она разговаривала с людьми, встававшими в ее память, ходила среди них, смотрела на них и ловила их взгляды. Иногда вспоминая, что и как нужно было бы сказать когда-то, она уже обращалась с этими словами к самому человеку. Говорила и проверяла: так ли, о том ли; и интонация не столько доно-

сила бытовое значение слов, сколько нащупывала, взвешивала их главный смысл, углубляя обычные понятия.

Даже обращаясь к Земле, она смотрела не на актрису, играющую эту роль, а прямо перед собой. Оттого слова казались не предназначенными для других, а просто зазвучавшими мыслями, обращенными не к одному конкретному человеку, а ко многим людям.

Светло и мужественно читались трагические и такие типичные страницы жизни этой женщины. Спектакль утверждал огромную любовь к человеку и веру в него.

Так вот сначала Галина Николаевна играла Толгоной. Шел монолог актрисы в роли.

Потом — рассказывала. Шел монолог в жизни.

— Это самая трудная моя роль за все годы и технически, и эмоционально. Фактически весь спектакль — один большой монолог. Трудность и

в том, что Толгоной в своем рассказе о жизни проходит через разные возрасты. Мне важно было, конечно, не изображать молодую девушку, а вспомнить, что было в ее жизни...

Я себя считаю актрисой в основном комедийной. Поэтому, когда я играю драму, то мне нужно роль как можно ближе «подтянуть» к себе, сжаться с нею, чтобы была правда. Толгоной, пожалуй, стала самой любимой моей ролью. Она от спектакля к спектаклю все ближе мне, я все лучше чувствую ее. Мне хочется, чтобы она была дорога зрителям, чтобы ее любили. Над ее судьбой можно даже плакать, но все, что с ней связано, должно быть не сентиментально, а сдержанно и мужественно.

Поэт сказал, что «у трагедии должны быть сухие глаза». Загурская сумела поднять свою Толгоной до трагедийного звучания, которому противопоставлена слезливая жалость. То, что играет Загурская, — крупно и емко. Она права, не боясь даже патетической приподнятости. Здесь нет холодной тяжести памятника, но есть чело-

веческая любовь и страдание.

Бесспорно, творческая биография Загурской не могла обойтись без такой роли. Однако...

— Я очень долго отказывалась от Толгоной. Правда, я всю жизнь, получая роль, усиленно отказываюсь от нее — боюсь не справиться. Но от Толгоной отказаться мне, как видите, не удалось. Очень настаивала режиссер спектакля О. Чернова, и работали мы с ней интересно и дружно. Часто репетировали вдвоем. Я считаю, что она много помогла мне в этой работе.

Кроме того, я люблю Айтматова. Из современных писателей Паустовский и Айтматов мне ближе всех. К сожалению, нечасто приходится встречаться с такой великолепной литературой. Айтматов — прекрасный писатель. У Толгоной, как и у многих его героев, — тяжелая жизнь. А гнетущего впечатления его произведения не оставляют, потому что человек все время преодолевает горести, не складывает безнадежно руки.

Обобщенность образа матери не лишает ее и конкретных черт. В ней все страдание последней войны, но я считаю наш спектакль очень совре-

менным. Необходимо напомнить о том, что было, тем, кто пережил это, но стал забывать, и заново рассказать молодым людям, вошедшим в жизнь после войны...

Роль Толгоной, по-видимому, вобрала многое из жизненного и творческого опыта Галины Николаевны Загурской. Особенность такого актера, как она, — каждый свой выход на сцену, независимо от величины и значимости роли, делать событием для зрителей. Событием стали ее герцогиня Дюпон-Дюфор в «Путешественнике без багажа» и лиричная даже в своей эксцентричности «странная» миссис Сэвидж, непреклонная и истовая бывшая игуменья в «Тяжком обвинении» и склочница из «Звонка в пустую квартиру» — последние по времени роли, сыгранные перед Толгоной. Но уже сейчас, хотя спектакль идет всего несколько месяцев, ясно, что новая работа займет совсем особое место в биографии актрисы. Мастерство и взволнованность стали основой звучания высокой мысли о силе человеческой личности с ее добротой и способностью в любой трагедии не потерять себя и быть опорой другим.

Монолог актрисы, достигая зрительского сердца, превращается в диалог с людьми о Человеке.

Т. РАВИНА.